

ЗАМЕНА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ БОЛЕЕ СТРОГИМ ВИДОМ НАКАЗАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2019-0-3-37-43>

Актуальность исследования обусловлена неуклонным расширением законодательной практики замены назначенного и исполняемого уголовного наказания более строгим видом наказания в условиях критической оценки такой практики со стороны специалистов. Предмет исследования связан с рассмотрением и анализом уголовного законодательства о замене наказания более строгим видом в аспекте различных элементов механизма уголовно-правового регулирования – нормативной основы, правоотношений и принципов. Исследование построено на общенаучных (логический, системно-структурный) и специально-юридических (формально-юридический) методах познания. Рассматривая состояние проблемы замены уголовного наказания более строгим видом, автор приходит к выводу, что имеющиеся исследования этой проблемы в основном акцентируют внимание на совершенствовании оснований (трактовке уклонения, злостного уклонения от отбывания наказания) и условий такой замены применительно к отдельным видам заменяемого и заменяющего наказания. Между тем замена уголовного наказания одного вида на другой, более строгий вид упречна по своей юридической природе, потому что происходит в рамках постановленного, вступившего в силу обвинительного приговора суда, в который ни по форме, ни по содержанию новый вид уголовного наказания не вписывается. Предлагается решить рассматриваемую проблему путем либо криминализации оснований замены наказания более строгим видом, либо изменения уголовно-процессуального законодательства в части регламентации обвинительного приговора суда.

АЛИЕВ
Алим Абумуслимович

преподаватель кафедры
уголовного права Северо-
Кавказского института (филиала)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России)
(г. Махачкала)

Alim-Aliev66@mail.ru

**Уголовное законодательство;
замена наказания;
виды замены наказания более
строгим видом;
уклонение от отбывания
наказания;
противоречия
законодательной
регламентации**

Alim A. ALIEV

Lecturer at the Department
of Criminal Law of the
North-Caucasian Institute (Branch)
of the All-Russian State University
of Justice (Makhachkala)

Alim-Aliev66@mail.ru

**Criminal law;
replacement of punishment;
types of replacement
of punishment with a more
severe type;
evasion from punishment;
contradictions of the legal
regulation**

REPLACEMENT OF A CRIMINAL PUNISHMENT WITH A MORE SEVERE TYPE OF PUNISHMENT: PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION

The relevance of the study is due to the steady expansion of the legislative practice of replacing the assigned and executed criminal punishment with a more severe type in the conditions of critical evaluation of such practice by specialists. The subject of the research is related to the consideration and analysis of criminal legislation on the replacement of punishment with a more severe form in the aspect of various elements of the mechanism of criminal law regulation – the regulatory framework, legal relations and principles. The research is based on general scientific (logical, system-structural) and special-legal (formal-legal) methods of cognition. Considering the state of the problem of replacing the criminal punishment with a more severe form, the author comes to the conclusion that the existing studies of this problem in the main focus on improving the grounds (interpretation of evasion, malicious evasion of punishment) and the conditions of such replacement in relation to certain types of substitute and substitute punishment. Meanwhile, the replacement of the criminal punishment of one type by another more severe type is reproachful in its legal nature because it occurs within the framework of the ruling, which entered into force the conviction of the court, in which neither the form nor the content of the new type of criminal punishment does not fit. It is proposed to solve the problem either by criminalizing the grounds for replacing the punishment with a more severe form, or by changing the criminal procedure legislation in terms of regulating the conviction of the court.

Действующее уголовное законодательство России предусматривает пять видов замены уголовного наказания более строгим видом (ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 5 ст. 53, ч. 6 ст. 53.1 УК РФ). В большинстве специальных исследований, посвященных различным аспектам замены наказания в уголовном праве, вопрос об обоснованности такой законодательной практики вообще не затрагивается и уголовное законодательство в этой части принимается как данность, которая была, есть и будет. Это характерно и для современных исследований, которые в массе своей ориентированы на совершенствование законодательной и правоприменительной практики отдельных проявлений замены наказания, как правило, более строгим или более мягким видом наказания.

Вместе с тем еще в период действия УК РСФСР 1960 г., в заключительной своей редакции предусматривающего всего лишь три вида замены наказания более строгим видом (ч. 2 ст. 28, ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 32), в специальной литературе высказывались сомнения о состоятельности уголовного законодательства в этой части. Наиболее всесторонне и аргументированно они были изложены в статье Л. Л. Кругликова, в которой автор обратил внимание на следующие обстоятельства, делающие, на его взгляд, такую замену уязвимой:

1) установление наказания за конкретное противоправное деяние, каковым является уклонение от исполнения приговора (злостное уклонение от отбывания назначенного судом наказания), – это «функция не Общей, а Особенной части УК». Поэтому формулирование санкций в виде замены неотбытой части наказания более строгим видом наказания в статьях Общей части УК выглядит несостоятельным;

2) проведение такой замены, означающей по сути назначение нового наказания, без приговора суда, по определению суда, постановлению судьи, представляет суррогат ответственности, противоречащий ст. 49 Конституции РФ, ст. 3 УК РСФСР 1960 г.;

3) при установлении осужденному нового наказания в порядке, предусмотренном Общей частью УК, страдают права и законные интересы такого лица, серьезно ущемляется правовой статус личности, возникает опасность произвола со стороны правоприменителя [7, с. 102–105].

По поводу замечаний, высказанных Л. Л. Кругликовым, отметим следующее: во-первых, пользуясь терминологией автора, уточним, что функцией Особенной части УК является установление наказания не просто за противоправное, о чем пишет Л. Л. Кругликов, но только за (а) уголовно-противоправное и (б) преступное деяние. Уклонение (злостное уклонение) от отбывания назначенного судом наказания в большинстве случаев преступлением не является. По действующему уголовному законодательству пре-

ступно лишь уклонение от отбывания трех видов уголовных наказаний: лишения свободы, ареста и ограничения свободы (ст. 313, 314 УК РФ). Причем что касается последнего вида наказания, то злостное уклонение от него преступно лишь тогда, когда оно назначено в качестве дополнительного наказания (примечание 1 к ст. 314 УК РФ).

Следует также отметить, что функционально нормы Особенной части УК РФ – это не только нормы запреты, но и нормы-дефиниции (содержащиеся, например, в примечаниях к ст. 139, 158, 285 УК РФ), нормы-поощрения (содержащиеся, например, в примечаниях к ст. 126, 145.1, 204 УК РФ). И это замечание актуально не только для УК РФ 1996 г., но и практически для всех предшествовавших ему отечественных уголовных кодексов.

Во-вторых, в Общей части и прежнего, и действующего УК санкции как элементы нормы права, в которых содержится указание на правовые последствия правового поведения, предусматриваются не только за злостное уклонение от отбывания наказания. Например, аналогичные санкции предусмотрены за уклонение от выполнения обязанностей условно осужденным (ч. 2, 2.1, 3 ст. 74 УК РФ), за злостное уклонение от исполнения обязанностей условно-досрочно освобожденным (п. «а» ч. 7 ст. 79 УК РФ). Поэтому, на наш взгляд, проблема не в том, что некоторые нормы Общей части УК «оснащены» санкциями, а в том, что содержание таких санкций в ряде случаев равнозначно по юридической силе, по характеру уголовно-правовых последствий санкциям норм Особенной части УК. Реализация последних допустима только в форме постановления обвинительного приговора суда, и именно такой формы со всеми вытекающими отсюда последствиями лишена реализация санкций, предусмотренных в настоящее время в ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 5 ст. 53, ч. 6 ст. 53.1 УК РФ. Таким образом, перед нами ситуация, при которой на первый взгляд материальным уголовным правоотношениям придается не соответствующая им процессуальная форма [6, с. 45]. Дело, однако, в том, что юридическим фактом, порождающим уголовное правоотношение, в рамках которого обычно реализуется уголовная ответственность в форме обвинительного приговора суда, в данном случае выступает уголовно-противоправное непреступное деяние. Поэтому иной уголовно-процессуальной формы здесь быть не может. В этом смысле прав был И. М. Тарханов, который в свое время писал, что «замена наказания, как уголовно-правовая мера, осуществляется по определению суда, которое выносится в порядке исполнения приговора. Содержание приговора в таких случаях никаким изменениям не подвергается» [14, с. 11]. Не подвергается потому, что основание замены неотбытой части наказания более строгим видом наказания не считается преступлением. Оно (основа-

ние), с одной стороны, не порождает полноценных уголовно-правовых отношений по поводу уголовной ответственности за преступление, а с другой – нарушает уже протекающий процесс реализации санкции за преступление. И это несмотря на то, что именно новое наказание в форме определения суда (постановления судьи), заменившее наказание за преступление, обличенное в форму обвинительного приговора, определяет, как уже отмечалось, в дальнейшем уголовно-правовые последствия для осужденного, его отбывающего. В этом, на наш взгляд, состоит одно из принципиальных противоречий в правовом регулировании замены наказания. Возможно, не осознавая его, Конституционный Суд РФ верно отмечал, что при замене одного вида наказания на другой вид отбывание назначенного по приговору наказания прекращается, а исполнению подлежит избранное в порядке замены наказание [10]. Но если это так, то и ранее состоявшийся приговор утрачивает свое содержательное значение, а новое уголовное наказание назначается и исполняется вне рамок ранее состоявшегося осуждения за преступление, вне рамок приговора.

Явно сомнительной, прежде всего в плане соответствия принципу законности, считает сложившуюся десятилетиями законодательную практику замены назначенного судом наказания в процессе его исполнения более строгим видом наказания И. Э. Звечаровский. Автор критически оценивает позицию в этом вопросе Конституционного Суда РФ, который неоднократно, по его мнению, признавал такую практику законной, «призванной обеспечить неотвратимость ответственности» [9; 4, с. 11–15]. По мнению автора, в случаях замены ранее назначенного судом и уже исполняемого наказания более строгим наказанием складывается ситуация, при которой: 1) за однажды совершенное преступление применяется новое наказание, причем более суровое, чем то, которое суд уже назначил за преступление; 2) новое наказание применяется за деяние, формально не являющееся преступлением (злостное уклонение от отбывания наказания); 3) более строгий вид наказания в этом случае порой применяется даже при том, что он отсутствует в санкции статьи Особенной части УК РФ, по которой ранее состоялось осуждение. При этом автор отмечает, что российское уголовное законодательство не знает понятия неотвратимости ответственности вообще и при определении целей наказания в частности (ст. 43 УК РФ), что рассматриваемая законодательная практика противоречит общим началам назначения наказания (ст. 60 УК) и ряду положений уголовно-процессуального законодательства (например, предусмотренных ч. 2 ст. 252, ч. 1 ст. 389.24 УПК) [5, с. 46]. Дополним: о неотвратимости уголовной ответственности за совершенное преступление здесь вообще нельзя говорить, поскольку реализуется от-

ветственность за уклонение от отбывания наказания за новое уголовно-противоправное деяние, деяние, не являющееся преступлением.

Еще более детальному анализу, причем по тем же самым обращениям, подвергает позицию Конституционного Суда РФ в рассматриваемом вопросе М. О. Саидов. Помимо прочего автор критически оценивает и ту часть рассматриваемых определений Конституционного Суда РФ, в которых речь идет об эквивалентности нового вида уголовного наказания (заменяющего наказания) ранее назначенному по приговору суда (заменяемому наказанию). В этой связи отмечается, что «эквивалентность здесь отсутствует уже в процедуре потому, что заменяемый вид уголовного наказания был назначен судом с соблюдением требований гл. 10 УК РФ и обличен в форму обвинительного приговора суда, а заменяющий вид уголовного наказания без соблюдения названных требований и в форме постановления судьи. Об эквивалентности в этом случае не может быть речи еще и потому, что заменяющий вид уголовного наказания является более строгим видом наказания, чем назначенный; в большинстве случаев на сегодняшний день наказание, не связанное с изоляцией от общества, заменяется наказанием в виде лишения свободы, и происходить это может за пределами санкции статьи (части статьи) Особенной части УК РФ, по которой осуждено то или иное лицо [12, с. 306–307; 1, с. 40]. К сожалению, последнее положение из Определения Конституционного Суда РФ от 24 июня 2008 г. по обращению М. В. Ячменевой осталось без должного внимания И. Э. Звечаровского и М. О. Саидова. В указанном Определении сказано: «Поскольку замена наказания на более строгое возможна лишь в целях обеспечения исполнения ранее назначенного судом наказания, то такая замена может быть осуществлена как в пределах санкции статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, по которой осуждено то или иное лицо (часть пятая статьи 46), так и за ее пределами в случаях, прямо указанных в Общей части данного Кодекса (часть третья статьи 49, часть четвертая статьи 50, часть четвертая статьи 53)». На наш взгляд, в первом предложении приведенного извлечения содержится явное противоречие тому, что на самом деле происходит при замене одного вида наказания другим, более строгим видом наказания. Как может новый вид уголовного наказания обеспечить исполнение вида наказания, не исполненного и уже не существующего, оставшегося только на бумаге, в обвинительном приговоре суда? Несостоятельность этого положения, как представляется, не оправдывает и допускаемая в этой связи возможность замены одного наказания наказанием «из-за пределов» санкции статьи Особенной части УК РФ.

Сравнительно недавно под сомнение была поставлена состоятельность законодательной регламента-

ции замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ). Е. В. Благов, комментируя эту статью, отметил, что сомнительна уже сама по себе замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания. «Дело в том, что в соответствии с ч. 1 ст. 43 УК РФ наказание есть мера государственного принуждения, «назначаемая по приговору суда». Замена же наказания ничего общего с его назначением не имеет и производится не по приговору, а по постановлению суда (ч. 7 ст. 399 УПК РФ)» [2, с. 222]. Другими словами, если бы такая замена происходила по приговору суда, в нем отражалась соответствующим образом, то почва для высказанного автором сомнения утрачивалась бы. Дело, однако, в том, что согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству в обвинительном приговоре суда не только такая, но и никакая другая замена уголовного наказания не может быть отражена (п. 22, 28 ст. 5, ст. 302, 307–310 УПК РФ), поскольку, как отметил Пленум Верховного Суда РФ в преамбуле постановления от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре», приговор – это «решение суда по уголовному делу о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении от наказания» [10]. Подчеркнем, что упоминаемое здесь освобождение от наказания может иметь место именно при постановлении обвинительного приговора суда, а не в процессе исполнения назначенного судом наказания (п. 2 ч. 5, ч. 6 ст. 302 УПК РФ).

Как это ни странно, но и законодательная практика замены одного вида наказания более мягким видом также стала предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. Определение Конституционного Суда РФ от 17 января 2013 г. № 2-О по этому вопросу [11] интересно тем, что в нем обосновывается состоятельность сразу двух видов замены наказания: более мягким видом применительно к ст. 80 УК РФ и более строгим видом со ссылками на ч. 5 ст. 46 и ч. 4 ст. 50 УК. Делается это по-разному, и этим данное Определение еще более привлекает внимание. В первом случае Конституционный Суд РФ отмечает, что «основанием, предопределяющим возможность замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, является поведение осужденного в период отбывания наказания, подлежащее всесторонней судебной оценке в совокупности с другими характеризующими его данными (включая отношение к труду, совершенному деянию и т.п.)»; во втором – что решение, принимаемое судом при замене штрафа и исправительных работ более строгим видом наказания, в соответствии с требованиями ст. 3–7 УК РФ, закрепляющих принципы законности, равенства граждан перед законом, ответственности только за виновные действия, справедливости и гуманизма, не может быть произвольным, а должно ос-

новываться на учете как характера преступления, за которое лицо осуждено, так и его личности, а также причин, по которым назначенное судом наказание не исполнялось. Таким образом, при замене наказания более мягким видом Конституционный Суд РФ апеллирует к поведению осужденного в период исполнения наказания, назначенного за совершенное преступление, а при замене наказания более строгим видом – к преступлению, наказание за которое не исполняется. Вполне закономерно в этой связи Пленум Верховного Суда РФ считает лицо, осуждавшееся к наказанию в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы или принудительных работ, которому по основаниям, предусмотренным ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 5 ст. 53 и ч. 6 ст. 53.1 УК РФ, эти виды наказания были заменены лишением свободы, которое лицо отбывало в исправительном учреждении, лицом, ранее отбывавшим наказание в виде лишения свободы [8].

На основе анализа приведенного Определения Конституционного Суда РФ можно сделать вывод об отсутствии единообразного определения этим судом механизма замены наказания. Между тем такой механизм в юридическом понимании должен быть един: положительное или отрицательное поведение осужденного в рамках исполнения наказания за преступление – соответствующий такому поведению вариант замены наказания: на более мягкий или более строгий вид, если, конечно, он предусмотрен законом. И в том, и в другом случае, а не только при замене наказания более мягким видом ранее назначенное наказание за преступление или его неотбытая часть аннулируются и возврат к ним становится невозможным, как и без полноценного уголовно-правового ответа остается совершенное преступление. Разница лишь в том, что при замене наказания более мягким видом отсутствие такой полноценности компенсируется требуемым уголовным законом положительным поведением осужденного, наличие которого свидетельствует о достижении целей уголовного наказания, предусмотренных ч. 2 ст. 43 УК РФ, а соответственно и решении задач, поставленных перед уголовным правом (ч. 2 ст. 2 УК РФ).

При замене наказания одного вида на другой в тех случаях, когда последний не предусмотрен в санкции статьи Особенной части УК РФ, мы также разрываем правовую связь между совершенным преступлением и наказанием за него, но делаем это еще более некорректно с юридической точки зрения. В этом случае мы имеем ситуацию, при которой «теряется» и основание уголовной ответственности в виде совершенного ранее преступления, и форма, масштаб такой ответственности в виде санкции за преступление. И по форме, и по содержанию санкция уголовно-правовой нормы здесь вообще перестает существовать,

а вместе с ней «теряется» и государственная оценка общественной опасности совершенного ранее преступного деяния [3, с. 27]. Поэтому замена неотбытой части наказания за преступление, особенно на более строгий вид, если и допустима, то, как представляется, только в пределах видов уголовного наказания, предусмотренных в санкции статьи (части статьи), по которой однажды состоялось осуждение за совершенное преступление.

Не менее важно и другое противоречие, связанное с отмеченным выше. При замене наказания, назначенного судом за преступление, на более строгий вид наказания складывается парадоксальная ситуация, при которой за деяние, не являющееся преступлением, каким является уклонение или злостное уклонение от наказания первого вида, применяется наказание более строгое, чем первое. Этот парадокс неустрашим даже тем способом, который предложен В. Д. Филимоновым, когда автор полагает, что «смысл криминализации злостного уклонения либо установления соответствующих штрафных санкций должен состоять не в усилении ответственности за ранее совершенное преступление... а в назначении такого наказания, которое по своей тяжести соответствовало бы тяжести ранее назначенного наказания, но в отличие от первого могло быть реально исполненным» [17, с. 272–273]. Таким образом, здесь во главу угла ставится исполнимость нового уголовного наказания, появившегося в результате неисполнения первого наказания, назначенного за преступление. В итоге же последнее остается безнаказанным. Причем такое положение дел имеет место и сегодня, сохранится оно и при реализации предложения В. Д. Филимонова. Автор, на наш взгляд, прав в одном: при такой ситуации нельзя усиливать ответственность за ранее совершенное преступление.

Возражая против предложения В. Д. Филимонова, В. М. Степашин отмечает, что необходимость замены наказания в рассматриваемой ситуации обусловлена не объективной невозможностью исполнения меры государственного принуждения, установленной приговором суда, а умышленными действиями осужденного, целенаправленно и злостно избегающего претерпевания уголовно-правового возмездия, определенного судом [13, с. 290]. Но если это так, то именно этим действиям и должна даваться новая уголовно-правовая оценка по сравнению с той, которая ранее состоялась в отношении совершенного преступления. В результате такой оценки закономерен не «переход» к новому наказанию, а его назначение в установленном законом порядке. При этом степень его строгости и репрессивности должна определяться отношением не к первоначально назначенному и неисполненному наказанию, как полагает В. М. Степашин [13, с. 290], а к деянию, выразившемуся в уклонении от отбывания

последнего. Требования же о реальной исполнимости актуальны в данном случае в отношении и прежнего, и нового вида уголовного наказания.

Не разделяем мы позицию В. М. Степашина и в вопросе об отсутствии необходимости криминализации злостного уклонения от отбывания наказания. По мнению автора, она не нужна, поскольку, во-первых, приведет лишь к более громоздкой и продолжительной процедуре возложения ответственности на лицо, избегающее выполнения требований приговора суда о воздаянии за содеянное, а во-вторых, не обеспечит, а существенно ограничит гарантии реализации государственного принуждения в отношении преступника, поскольку повлечет сокращение числа деяний, образующих злостное уклонение, и поэтому ужесточения репрессии может не произойти в силу действия иных уголовно-правовых институтов (назначения более мягкого наказания, освобождения от уголовного наказания и ответственности и т.д.) [13, с. 290]. И так, все подчинено идее обеспечить уголовную репрессию в отношении лица, уклонившегося от отбывания наказания, причем репрессию более суровую, чем та, которая вытекала из факта осуждения за преступление. Этот наш вывод нашел свое подтверждение в более поздней публикации В. М. Степашина, в которой автор сказал определенно: «Замена наказания более строгим, являясь разновидностью уголовно-правовой ответственности, призвана обеспечить ухудшение правового положения осужденного, злостно уклонявшегося от отбывания назначенного вида наказания, путем применения другой, более строгой меры принуждения» [14, с. 94].

В обоснование своей отрицательной позиции о криминализации уклонения от отбывания наказания В. М. Степашин в своей первой публикации ссылается на тезис С. С. Уткиной о том, что реализация такого положения «чревата противоречиями теоретического характера и осложнениями в практике» [16, с. 147].

Насколько мы можем судить по литературе, позиция В. М. Степашина является наиболее последовательной в плане непринятия идеи объявления уклонений от отбывания различных видов уголовного наказания самостоятельными преступлениями. Поэтому, обратив на нее особое внимание, следует сразу отметить, что как раз теоретически она звучит не просто малоубедительно, а никак не звучит. Ни самим автором, ни С. С. Уткиной, на которую ссылается В. М. Степашин, так и не названы возможные противоречия теоретического характера, о которых можно было бы говорить в случае реализации идеи криминализации фактов злостного уклонения от отбывания наказания. Более того, оба этих автора обходят стороной такие противоречия в существующей законодательной практике замены наказания более строгим видом. Между тем они названы в литературе и, как

мы убедились ранее, не одним автором. Что же касается соображений В. М. Степашина об осложнениях в практике, то здесь следует сказать следующее.

Мы разделяем обеспокоенность автора тем, чтобы все-таки обеспечить реализацию уголовной ответственности за преступление в форме назначенного наказания. Как представляется, именно этим озабочен и В. Д. Филимонов, которого критикует В. М. Степашин. Нельзя, однако, не отметить, что для решения названной задачи в российском уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве уже установлен порядок и в него существующая практика замены наказания более строгим не вписывается, о чем говорилось выше. Что нужно менять в таком случае? Ответ очевиден: либо первое, либо второе. В. М. Степашин предлагает третий вариант – ничего не менять,

уточняя существующие понятия уклонения и злостного уклонения от отбывания того или иного вида наказания.

Таким образом, и необходимость замены назначенного судом наказания более строгим видом наказания, и необходимость сохранения такой практики в ее существующем юридически ущербном состоянии обосновываются больше соображениями целесообразности, чем законности и справедливости, что, как представляется, вряд ли правильно. По нашему мнению, настало время для того, чтобы решить рассматриваемую проблему путем либо криминализации оснований замены наказания более строгим видом, либо изменения уголовно-процессуального законодательства в части регламентации обвинительного приговора суда, позволяющего отразить такую замену.

Пристатейный библиографический список

1. *Баженов И. С., Лосева С. Н.* Анализ правового регулирования замены неотбытой части уголовного наказания, не связанного с лишением свободы, наказанием в виде лишения свободы // *Российский следователь*. 2015. № 12.
2. *Благов Е. В.* Актуальные проблемы уголовного права (Общая часть) : учебное пособие. Ярославль : ЯрГУ, 2008.
3. *Густова Э. В.* Построение санкций в уголовном праве Российской Федерации : теоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
4. *Елинский А. В.* Отдельные вопросы, связанные с назначением наказания в решениях Конституционного Суда России // *Российский следователь*. 2010. № 19.
5. *Звечаровский И. Э.* Современное уголовное право России : понятие, принципы, политика. СПб. : Юридический центр Пресс, 2001.
6. *Кропачев Н. М.* Механизм уголовно-правового регулирования : дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2000.
7. *Кругликов Л. Л.* Проблемы теории уголовного права : Избранные статьи. 1982–1999 гг. Ярославль : ЯрГУ, 1999.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений» // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2014. № 7.
9. Определения Конституционного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 376-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ячменевой Марины Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 49 Уголовного кодекса Российской Федерации», от 16 февраля 2006 г. № 62-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Северского городского суда Томской области о проверке конституционности части четвертой статьи 50 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2017. № 1.
11. Определение Конституционного Суда РФ от 17 января 2013 г. № 2-О «По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности положений статей 50, 80 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 396, 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // *Вестник Конституционного Суда РФ*. 2013. № 4.
12. *Саидов М. О.* О юридической природе замены назначенного наказания более строгим видом наказания // *Вестник экономической безопасности*. 2016. № 3.
13. *Степашин В. М.* Некоторые проблемы замены наказания более строгим // *Вестник Омского университета*. Серия: Право. 2006. № 1 (6).
14. *Степашин В. М.* Проблема обязательности замены наказания более строгим // *Правоприменение*. 2018. Т. 2. № 2.
15. *Тарханов И. М.* Замена наказания по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979.

16. Уткина С. С. Уголовное наказание в виде штрафа : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004.
17. Филимонов В. Д. Норма уголовного права. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.

References

1. Bazhenov I. S., Loseva S. N. Analysis of the Legal Regulation of the Replacement of the Unserved Part of the Criminal Punishment Not Related to Deprivation of Liberty, Punishment in the Form of Imprisonment // Russian Investigator. 2015. No. 12.
2. Blagov E. V. Actual Problems of Criminal Law (General Part): Textbook. Yaroslavl, 2008.
3. Gustova E. V. Construction of Sanctions in Criminal Law of the Russian Federation: Theoretical Aspect: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2015.
4. Elinsky A. V. Some Issues Related to Sentencing in Decisions of the Constitutional Court of Russia // Russian Investigator. 2010. No. 19.
5. Zvecharovsky I. E. Modern Criminal Law of Russia: Concept, Principles, Politics. St. Petersburg, 2001.
6. Kropachev N. M. Mechanism of Criminal Law Regulation: Thesis for a Doctor Degree in Economic Sciences. St. Petersburg, 2000.
7. Kruglikov L. L. Problems of the Theory of Criminal Law: Selected Articles. 1982–1999. Yaroslavl, 1999.
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29 May 2014 No. 9 “On the Practice of Appointment and Change by Courts of Types of Correctional Institutions” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2014. No. 7.
9. Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24 June 2008 No. 376-O-O “On the Refusal to Accept for Consideration a Complaint of Citizen Yachmeneva Marina Vladimirovna Regarding Violation of Her Constitutional Rights by Part Three of Article 49 of the Criminal Code of the Russian Federation”, of 16 February 2006 No. 62-O “On the Refusal to Accept for Consideration the Request of the Seversky City Court of the Tomsk Region to Verify the Constitutionality of the Fourth Part of Article 50 of the Criminal Code of the Russian Federation” // SPS “ConsultantPlus”.
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29 November 2016 No. 55 “On the Court Sentence” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2017. No. 1.
11. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 17 January 2013 No. 2-O “At the Request of the Kurgan Regional Court to Review the Constitutionality of Provisions of Articles 50, 80 of the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 396, 397 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2013. No. 4.
12. Saidov M. O. On the Legal Nature of the Replacement of the Imposed Punishment by a More Severe Type of Punishment // Bulletin of Economic Security. 2016. No. 3.
13. Stepashin V. M. Some Problems of the Replacement of Punishment by More Severe One // Bulletin of Omsk University. Series: Law. 2006. No. 1 (6).
14. Stepashin V. M. The Problem of the Mandatory Replacement of Punishment with More Severe One // Law Enforcement. 2018. Vol. 2. No. 2.
15. Tarkhanov I. M. Replacement of Punishment on Soviet Penal Law: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 1979.
16. Utkina S. S. Criminal Penalty of a Fine: Thesis for a Candidate Degree in Economic Sciences. Tomsk, 2004.
17. Filimonov V. D. Penal Law. St. Petersburg, 2004.